

(по аналогии с ремесленными кварталами в идеальном городе Платона), а обрамляет город и связывает его с внегородским пространством город-сад, возводящий урбанизированное пространство к райскому саду — Эдему. (Платоновский идеальный город также был окружен священной рощей Посейдона.)

Итак, что в основу отстоящих друг от друга на много столетий утопических проектов идеальных городов Платона и Корбюзье положены единые архетипические коды, хотя и получившие различное пространственное выражение в соответствии с изменившимися формами жизни. Современные тенденции в понимании городской среды и ее проектировке исходят именно из факта первичности базовых форм жизни — архетипов — по отношению к выражающим и закрепляющим их пространственным структурам.

Планы идеальных городов Платона и Корбюзье не нашли своей реализации. Недостатком любой утопии является ее внеисторичность, отчужденность от индивидуальных потребностей конкретного человека, живого индивида как следствий установки на завершенность, которая в рамках классической эстетики служит неотъемлемым признаком совершенства и красоты любого творения рук человеческих. Однако несомненно влияние утопических проектов на практику градостроительства. Роль утопий здесь сводится к тому, что во взаимодействии с жизненными реалиями они создают смысловое поле, линии напряжения которого направляют целеполагание и побуждают к созиданию.

Д. В. ШМОНИН

«INDEX» И «МЕТАФИЗИКА»

«Метафизические рассуждения» Фр. Суареса (1548–1617), увидевшие свет в 1597 г., лишь условно можно отнести к традиционному средневековому жанру комментария¹. И хотя автор просит восприни-

¹М. Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики» пишет о «Метафизических рассуждениях» Суареса: «Труд, стало быть, преследовал двоякую цель: во-первых, рассмотреть внутреннее строение естественной теологии... и вместе с тем обсудить надлежащим образом все вопросы, относящиеся ко всем двенадцати книгам Аристотелевой „Метафизики“. Дело в том, что в отличие от прежней схоластики Суарес видел, что двенадцать книг Аристотеля не образуют упорядоченного целого... Суарес попытался исправить этот недостаток путем систематического упорядочения ведущих проблем... тогда как Фома дал лишь пример применения метафизических мыслей по ходу комментирования аристотелевской метафизики» (Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 153).

© Д. В. Шмонин, 2002

мать свой двухтомный труд, состоящий из пятидесяти четырех рассуждений, как комментарий к книгам аристотелевской «Метафизики», читатель довольно быстро обнаруживает, что ведущей линией для Суареса является самостоятельный анализ основных проблем и понятий «первой философии», а не слепое следование тексту «Философа»². Суарес оказывается одним из первых, кто создает так называемые «*cursus philosophicae*» — систематические трактаты по философии, которые мы привычно связываем с именами новоевропейских мыслителей.

Полное название суаресианского труда звучит так: «Метафизические рассуждения, в которых надлежащим порядком излагается всеобщая естественная теология, а также тщательно обсуждаются вопросы, относящиеся ко всем двенадцати книгам Аристотеля»³. Видно, что Суарес считает необходимым следовать не букве, а «общему порядку» учения Стагирита. При этом он отчетливо сознает как преимущества, так и недостатки подобного подхода. С одной стороны, более важным Суаресу представляется систематическое исследование главных метафизических понятий и вопросов. Понятно, что такой подход предполагает более свободное обращение с текстом, чем мог бы позволить себе средневековой комментатор. Отступление от избыливающего повторами текста «Метафизики» кажется вполне оправданным. Суарес анализирует и сравнивает мнения Стагирита, содержащиеся в разных книгах, главах и фрагментах, представляя тематические выжимки, привлекает суждения средневековых авторитетов, высказывает (хотя и с известной долей скупости) собственные суждения. С другой стороны, Суарес делает все, чтобы связь «его науки» с исследуемым текстом не становилась слишком тонкой и формальной. Читатели, которые хотят сравнить «эту науку» с книгами Аристотеля, причем не только для того, чтобы понять, какие принципы античного философа лежат в ее основе, но и для того, чтобы лучше понять самого Стагирита, должны, по мнению Суареса, иметь такую возможность.

Для решения этой важной задачи в состав «Рассуждений» автор включает специально разработанный им «Указатель» («*Index*»), ко-

² «Поскольку я всегда считал, — замечает Суарес в обращении „К читателю“, — что многое в изучении вещей зависит от соответствующего метода исследования и рассуждения (который я вряд ли мог бы соблюсти, если по обычаю комментаторов излагал бы все вопросы, слепо следуя их расположению в тексте философа), поскольку я счел более удобным и полезным, следуя порядку самого учения, рассмотреть и ясно представить читателю все то, что относится к общему предмету этой мудрости и может быть подвергнуто рассмотрению» (*Suarez F. Disputationes metaphysicae* (DM). Ad lectorem).

³ «*Metaphysicarum Disputationum, in quibus et universa naturalis theologia ordinate traditur, et quaestiones ad omnes duodecim Aristotelis libros pertinentes, accurate disputantur*».

торый, «если за ним внимательно следить, поможет легко... понять и запомнить все то, что Аристотель рассматривает в книгах „Метафизики“, и вместе с тем позволит постоянно держать в поле зрения все те вопросы, которые обычно возникают при их толковании»⁴.

«Подробнейший указатель к метафизике Аристотеля»⁵, помещенный перед основным текстом и другим «Указателем», расписывающим структуру «Метафизических рассуждений», удачно иллюстрирует исследовательскую установку, метод и стиль мышления Суареса. Кроме того, «Index» действительно показывает связь метафизики крупнейшего представителя «второй схоластики» XVI в., который фактически подвел итоговую черту под средневековой спекулятивной традицией и аристотелевской «первой философией». Именно поэтому «Index in Metaphysicam Aristotelis» представляет для нас самостоятельный интерес. И, уточним еще раз, в «Индексе», как в «Рассуждениях», автор полагает предметом изучения скорее метафизические понятия и вопросы, чем сам аристотелевский текст. Последний является для него объектом, но не предметом исследования. Суарес-комментатор, выполняя значительную подготовительную работу, редко выходит на первый план, практически всюду уступая место Суаресу-систематизатору и философу.

Разбор книг «Метафизики» происходит по следующей схеме. После заголовка, в котором указывается номер книги (например, «Liber primus Metaphysicae»), дается краткое введение, описывающее структуру данной книги и основную проблему, которую рассматривает в ней Аристотель. Далее обзор идет по главам, которым Суарес присваивает названия (например, «Impugnantur veterum opiniones» — «Опровержение прежних мнений» или «De substantia secunda seu universalis» — «О второй или универсальной субстанции», а если в последующей главе продолжается обсуждение той же темы, в подзаголовке ставится «De eadem re»). Внутри глав Суарес выделяет вопросы («Quaesti»). По окончании изложения вопроса автор указывает, в каком разделе какого рассуждения читатель сможет найти мнение самого Суареса по этой проблеме (например, «Quo sensu dictum sit ab Aristotele actiones omnes circa singularia versari. — Disp. XXXIV, sect. 9»)⁶. Некоторые вопросы лишь формулируются, другие — сопровождаются

⁴ Suarez F. DM. Ad lectorem. — В русском переводе, выполненном М. Р. Бургете, этот фрагмент издан в «Историко-философском ежегоднике. 1987» (М., 1987. С. 220).

⁵ «Index locupletissimus in metaphysicam Aristotelis».

⁶ «В каком смысле говорится Аристотелем, что все действия имеют своим объектом единичные [вещи]. Рассуждение XXXIV, раздел 9». — Ср. с мыслью Аристотеля в главе I первой книги (981a 15) о том, что «всякое... действие относится к единичному» (Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4 т. М., 1976–1983. Т. 1. С. 66).

достаточно подробными пояснениями, в которых находится место даже ссылок на мнения средневековых авторитетов от Аверроэса до Фомы и Дунса Скотта. Представляется, что основная цель, которой в «Индекс» стремится достичь Суарес, — демонстрация сути затруднения и важности данного вопроса. Кроме того, если это возможно, дается хотя бы контурная обрисовка пути его решения.

Следует заметить, что отсутствие пространного комментария в «Индекс» не является свидетельством малой значимости того или иного вопроса. Существуют проблемы, которые лишь упоминаются в «Указателе», но в тексте «Метафизических рассуждений» Суарес исследует их детально и глубоко. Это связано с тем, что метафизику конца XVI в. интересует многое из того, что в аристотелевской «первой философии» в явной форме не формулируется.

Так, например, рассуждения LI и LII Суареса посвящены проблеме пространства («spatium»). У Аристотеля, как известно, вообще отсутствует понятие «пространство», он оперирует словом «топос» — «место», которое обозначает ближайшую границу конкретного тела («место объемлет вещь») и отвечает на вопрос «где?», а в предельном смысле означает то, «что включает в себя все остальные места». Для нас в данном случае содержательная сторона проблемы не имеет принципиального значения. Важно другое: Аристотель подробно разбирает «топологию» не в «Метафизике», а в «Физике». Суарес же в «Рассуждениях» (являющихся, напомним, комментариями именно к «Метафизике») разрабатывает целую теорию пространства, спокойно помещая в поле своего исследования другие, кроме «Метафизики», доступные ему произведения Стагирита⁷.

«Index in Metaphysicam» действительно вызывает исследовательский интерес. Трудно сделать вывод относительно того, стал ли он удачным соединением мыслей Аристотеля, изложенных в книгах, дошедших до нас под общим названием «Метафизики», и систематическими «вопросами» суаресовских «Рассуждений». Этот вопрос лучше было бы задать искусственному читателю рубежа XVI–XVII вв. Но если рассматривать «Указатель» как вводную часть к метафизической доктрине самого Суареса, то оценка должна быть весьма

⁷ Проблема пространства в трактовке Суареса заслуживает отдельного анализа. Заметим только, что средневековая схоластика переняла аристотелевский термин «место». Фома Аквинский, например, ставил вопросы: «Можно ли определить тело по объемлющему его месту? Есть ли место у Вселенной?». Суарес в «Метафизических рассуждениях», разбирая различные мнения, принимает позицию, отличную и от аристотелевской, и от средневековых позиций. Для Суареса существует не только «spatium reale», пространство, непосредственно связанное с телами, материей, протяжением и т. п. (что затем, буквально следуя Суаресу, примет Декарт), но и «spatium imaginatum», воображаемое, идеальное пространство, где обитает Бог (DM. LI 3–6; LII. 1).

высокой. Эта тщательно выполненная текстологическая работа органично смотрится в корпусе «Рассуждений» и позволяет сделать первый шаг к пониманию философского синтеза испанского мыслителя, который оказал сильное влияние на становление новоевропейской философии и формирование современной нам мыслительной парадигмы.

М. П. КОСЫХ

МЕТАФОРЫ ДЛЯ «УДОВОЛЬСТВИЯ» (Опыт «Филеба»)

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на одну из проблем платоновского диалога «Филеб» — проблему удовольствия с точки зрения символизации «этического». Такой подход предполагает синтез идей философии символических форм Э. Кассирера и результатов приложения когнитивной семантики и других когнитивных наук к этике (Дж. Лакофф, М. Джонсон). С подобной точки зрения процессы символизации «этического» связаны с имажинацией и осуществляются на основе модели «одушевленного тела». И даже те учения, которые считаются сугубо рационалистическими и идеалистическими, применяют при определении основных понятий метафорические наложения, использующие термины, описывающие телесный опыт и обыденные сферы человеческой деятельности.

В диалоге «Филеб» Платон ставит вопрос о том, является ли удовольствие благом и пытается показать, в чем оно заключается и какова его природа. Однако внимание читателя следует сосредоточить не столько на решении вопроса о благодати или неблагодати удовольствия, сколько на том, удалось ли автору диалога в конце концов уяснить, что такое удовольствие и как происходит это уяснение.

Вначале устанавливается разнообразие и несходство удовольствий, проводятся аналогии с разнообразием и противоположностью цветов и фигур. Затем предлагается путь исследования, сначала полагающий одну идею и далее — поиск других идей до тех пор, «пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое, многое и беспредельное, но как качественно определенное» (Филеб, 16d). Таким образом, удовольствие является единым, многим и оказывается беспредельным, но не сразу, а «усваивая себе некое число» (18e).

В диалоге речь заходит о видах удовольствия. Вместе с тем признается самодостаточность блага, недостаточность удовольствия и ра-